

УДК 811.161.1

М. А. Афанасиади

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГРАЖДАН В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

(на примере художественной литературы,
написанной и изданной эмигрантами в Греции)

Взаимодействие культур — необычайно актуальная тема в условиях современного мира. Распад многонационального Советского Союза привел к возникновению мощной эмиграционной волны. Многие представители национальных меньшинств репатриировали на территории своих “исторических родин”, по-прежнему оставаясь носителями русского языка, но уже на правах второго языка в условиях новой культуры, иного мышления и совершенно другой позиции в восприятии мира.

Задача нашего исследования заключается в анализе примеров, свидетельствующих о “стыке” культур и языков, проявляющемся на уровне разговорной речи русскоязычных граждан и непосредственно отображенном на письме, например, в художественных произведениях, созданных ими в эмиграции.

“Многообразие субкультур характерно практически для всего цивилизованного мира в целом. В значительной мере через это многообразие осуществляется культурное развитие общества, выкристаллизовываются доминантные ценности, нормы, образцы поведения, удовлетворяются потребности людей в духовной и материальной сферах жизни” [2, с. 535].

С течением времени появляется потребность не только в информации о стране, в которой жили до переселения, но и в описании личного опыта из жизни в этой стране, в переосмыслении ситуации, приведшей к массовой эмиграции, в рассказе о начальном этапе адаптации и о многом другом. Так, помимо малых жанров (небольших рассказов и стихотворений) в русскоязычных газетах и журналах появляются более крупные произведения — первые пробы пера разных авторов, как филологов-русистов, так и историков, а также людей других профессий (как правило, врачей), выражающих собственную позицию.

“Субъективная языковая картина мира, отраженная в произведении, представляет характер и особенности индивидуально — авторских языковых структур, субъективное авторское воззрение на отрезок действительности, изображенный в произведении, и субъективное авторское мирозерцание, в котором прежде всего представлены национальная духовность и проблемы национального сообщества (государства), переживаемые автором.” [4, с. 114].

Конечно, надо отметить, что в данном случае мы говорим о художественной литературе, написанной, по сути, дилетантами вдали от метрополии, грамотного редактора и корректора, поэтому в процессе исследования следует учитывать уровень свободного владения русским языком самого автора. Как известно, на территории Греции сегодня проживают не только греки — понтий-

цы, приехавшие из советских республик, таких как Грузия, Армения, Украина, Казахстан и др., но и политэмигранты греческого происхождения, проживавшие в Узбекистане после гражданской войны в Греции, а также представители других национальностей бывшего Советского Союза (русские, украинцы, грузины и многие другие), что обуславливает большой диапазон речи русскоговорящих.

Небольшое количество произведений, лексика которых является объектом нашего исследования, изданных на русском языке иммигрантами Греции, отображает не только языковое сознание его авторов, но и разговорную речь той группы носителей русского языка, к которой они непосредственно относятся.* К примеру, в следующей фразе из книги Валиды Будакиду совершенно очевидно просматривается “грузинский фон” употребляемой лексики: “... он заговорил *очень литературно*, придавая голосу ноты старого *мудрого орла*” [1, с.49].

Нашей целью является выявление тенденций дальнейшего развития русского языка на территории Греции.

Под влиянием новой культуры западного общества у носителей русского языка — выходцев из бывших социалистических республик — формируется новая концепция мышления, базирующаяся на основе старой, что приводит к созданию некоего “конгломерата”.

“Казюлас,— пишет Валида Будакиду,— не отчаялся, и в действие вступил план “*Вита*” [1, с.178], здесь “Вита” — вторая буква греческого алфавита, т. е. герой произведения имеет в виду второй вариант своего плана (по-русски следовало сказать *план “Б”*).

“Каждая конкретная культурная общность характеризуется национальным своеобразием, отражающимся в менталитете народа и языка. Находясь в инонациональном окружении, носитель определенного языка начинает видеть мир не только под углом зрения, подсказанным его родным языком, но сживается с концептуализацией мира, характерной для окружающей его культуры” [6, с.539].

Рассмотрим пример: “Вес мой для тринадцати лет был очень впечатляющим — 76 килограммов. (*По-по-но!*)” [1, с.131]. Так пишет автор, вспоминая свое детство, которое прошло на территории Грузии в городе Рустави, употребляя греческое восклицание “По-по-но!” вместо русского: *Ну, и ну! Вот это да!* (Данное восклицание употребляется греками при восхищении и при стеснении). Этот пример демонстрирует утвердившийся в сознании носителя языка элемент новой культуры, который “вжился” в воспоминания о прошлых событиях, сплетаясь с элементами “старой культуры”.

Безусловно, большой интерес представляют факты интерференции, когда русское слово находит одинаковый по звучанию “эквивалент” в греческом языке: “... рюмки с ароматным ципуро** не преломляли свет, а всеми гранями *кристалла* отбрасывали его на белоснежную скатерть семицветной радугой” [1, с.185]. Здесь русское слово “кристалл” употреблено в значении греческого слова *κρῖσταλλο* — “кристалло” — “хрусталь”.

* В данном случае мы не имеем в виду переводы с греческого языка на русский язык.

** Греческая водка.

Возникающий конфликт устоявшихся в сознании форм языка с наложением на существующую уже “матрицу значения” другого слова наблюдается и в следующем примере: “А вот наш Мичо ... демонстрирует серый костюм... “всего” за 950 € (оплата дозами, принимаются все виды карт)” [1, с.240]. Здесь русское слово “взнос” заменено русским же словом “доза” в значении “понемного, чуть-чуть”, что соответствует значению греческого слова δόση – “доси” — “взнос” и обладает схожей звуковой оболочкой.

В процессе адаптации к новым условиям жизни наряду с проявлением подсознательной тенденции в сохранении языка той страны, где родились и выросли те или иные носители русского языка, наблюдается образование определенных “вариаций”, связанных с непосредственным воздействием языка новой среды проживания. Так возникают новые региональные разновидности русского языка, понятные только русскоговорящим иммигрантам той страны, где они возникли, и совершенно чуждые для жителей самой России.

“Используемый в социолингвистике термин “региональное варьирование” русского языка предполагает, прежде всего, “более или менее значительные отклонения от русской литературной нормы, которые являются следствием интерферирующего влияния языка коренного населения” (по Л. П. Крысину)” [3, с.536].

В частности, русская диаспора на территории Греции, сохраняя русский язык в “привнесённом виде”, в момент иммиграции впитала и впитывает в себя новые реалии (особенно в области делопроизводства), основываясь при их номинации на речевых механизмах русского языка, но, как правило, с учетом произношения греческого языка.

Так, например, в предложении “Не надо *тафтотит*” [1, с.257] слово “таф-тотита” — удостоверение личности — в греческом языке относится к женскому роду и в разговорной речи русскоговорящих эмигрантов фигурирует как существительное женского рода. В приведенном примере стоит в форме винительного падежа по схеме: *не надо что? Тафтотиту* вместо родительного: *не надо чего? Тафтотиты*.

То же в примерах: “Работала я в *виотехнии*” [1, с.219]. Греческое слово женского рода βιοτεχνία — “виотехния” получает окончание *ии* предложного падежа по правилам русского языка. “Я младший полицейский Ламбру. Начальник *асфалии*” [7, с.117], где существительное женского рода “асфалия”* приобретает русское окончание родительного падежа *ии*.

Есть случаи, когда греческое слово в форме единственного числа в разговорной речи иммигрантов употребляется как словоформа множественного числа: “... днем ходили торговать на *лайки* — базары**” [1, с. 132], которое склоняется по парадигме множественного числа: “... пока никто не работал, мы всем табуном чего-то продавали на “*лайках*” [1, с. 212].

На базе греческих и русских слов появляются неологизмы. Так, например,

* Орган государственной безопасности.

** Лайки - еженедельный базар под открытым небом в каждом районе города на определенной улице в определенный день, установленный муниципалитетом.

составлено новое слово путем сложения греческой основы “макро” (большой) и русского “баба”: “А еще ставропольские дамы поразили меня своими гигантскими размерами(...). Если к *макробадам* я ухитрилась привыкнуть, то к виду с обрыва на Гацлу — никак” [1, с.82-83].

Другой авторский неологизм: греческое прилагательное в сравнительной степени, образованной по законам грамматики русского языка: “Особенно усердствовал “микрос”*, ведь Илюшка был еще “микрее” [1, с. 176].

Для людей, хорошо владеющих греческим языком, характерно калькирование. Так, Владимир Малышев (корреспондент ТАСС, проживающий на территории Греции в течение 10 лет) пишет в своей книге: “И надо сказать, говорит **книгопродавец**, матерый преступник вел себя очень вежливо...” [7, с. 208] (вместо *книготорговец* или *продавец книг*). Греческое сложное слово βιβλιοπώλης в прямом переводе на русский язык значит “*книгопродавец*”, таким образом возникает калька (ср. *христопродавец*). Довольно часто наблюдается частичное калькирование в сочетании с переводом составных частей греческих собственных имен: “Мирошника не выдали России даже после того, как **Совет Эпикратиа** — высший юридический орган Эллады признал его греческое гражданство липовым” [7, с. 47].

Проблема перевода топонимов не нова. В некоторых случаях прямой перевод не оправдан, т. к. разрушается необходимая ассоциация с греческим названием, что мешает “узнаванию” топонима: “Как-то поздно вечером, прогуливаясь по набережной в городе Салоники, вдруг, не доходя до **Белой башни**** ...” [1, с. 161]. В других случаях русский перевод слова более уместен, потому что связан с общеизвестными корнями: “... на улице Макензи Кинг, прямо напротив собора **Айя София**” (“Святая София”***).

Нередко наблюдается параллельное употребление одного и того же названия по-гречески и по-русски: “Шустрая сотрудница афинской газеты “**Элефтеротипия**” Вики Сьюти ...” [7, с. 34] и “... пересказываю эти события в изложении “**Независимой газеты**”**** [7, с.216]. Иногда в результате перевода появляется тавтология: “...(дорога), которая ведет на **Акропольский холм**” [7, с. 216], потому что в греческом языке слово *акрополь* означает не только окраину города, но и укрепление (крепость) на его самой высокой точке. Следовательно, слово *холм* излишне при употреблении слова *Акрополь*.

Аббревиатуры обычно не переводятся: “Мы не претендуем ни на место **ПАСОК**, ни на место **Новой демократии**, ни **КуКуЕ*******” [1, с. 242]. ПАСОК — Всегреческая (Πανελλήνιο) Социалистическая (Σοσιαλιστικό) партия (κόμμα) при переводе получила бы форму ВСП, что совершенно ничего не говорит не только “греческому уху”, но и всей русскоязычной аудитории, знакомой с политической жизнью Греции. Однако **Новая демократия** вызывает необходимую ассоциацию с названием партии Νέα Δημοκρατία в

* Маленький.

** Λευκόζ Πύργος — Белая башня.

*** Напротив собора Св. Софии.

**** Более точный перевод — “Свободная печать”.

***** КуКуЕ — Коммунистическая (Κομμουνιστικό) партия (κόμμα) Греции (Ελλάδος).

связи с наличием в русском языке таких давно заимствованных греческих корней, как *нео*, *макро*, *микро*, *демократия* и др.

Таким образом, мы рассмотрели особенности разговорной речи представителей 4ой эмиграционной волны, возникшие вследствие взаимодействия языков и непосредственного влияния инокультуры и нового мышления. Среди этих особенностей можно выделить следующие:

- 1) отображение в языке смещения концепций старого мировоззрения с новым восприятием окружающего мира;
- 2) введение в обиход элементов речи новой культуры;
- 3) употребление русского слова в значении созвучного греческого слова (интерференция);
- 4) словоизменение заимствованных из греческого языка слов и форм по нормам русского языка;
- 5) образование неологизмов в результате сложения русских и греческих слов, а также калькирование греческой лексики;
- 6) употребление имен собственных как в виде прямого перевода с греческого языка на русский, так и их фонетическое калькирование и случаи смешанного употребления.

“Очевидно, что судьба языка прямо или косвенно связана и с судьбой его носителей. Культурные, социальные, политико — идеологические, а также собственно коммуникативно — языковые аспекты их бытия сказываются и на состоянии и развитии языка как всего эмигрантского социума, так и каждой отдельно взятой языковой личности” [5, с. 539].

Русскоязычные диаспоры сегодня существуют во многих странах мира. В этих странах русский язык развивается, естественно, во взаимодействии с языком страны пребывания и с ее культурой. “Результаты такого влияния имеют первостепенное значение для дальнейших путей развития русского языка, так как слова, принадлежащие другой культуре, иной “языковой” стихии, органично входят в русский язык и отражают особенности восприятия мира и его ценностей, зависящие от инонационального окружения, территории и длительности контактов” [6, с.540].

Литература

1. Будакиду В. Улыбка с прикусом Эллады. — Афины: Изд-во “Афинский курьер”, 2003. — 304 с.
2. Гаджихмедов Н. Э. Язык межнационального и межэтнического общения в полилингвокультурной ситуации Дагестана // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 535-536.
3. Гамалей Т. В. Деструкция функционально — стилистической системы русского языка в зоне языкового контактирования // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 536-537.
4. Гольцева О. Н., Городилова Г. Г. “Черный квадрат” в языковой картине

мира романа Андрея Белого “Москва” / II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004 — С. 114-115.

5. Жданова В. Лингвистические индикаторы идентификационных стратегий иммигрантов — билингвов // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы — М.: Изд-во МГУ, 2004 — С. 539.

6. Журавлева Е. А. Влияние культурно — языковых контактов на лексическую систему русского языка // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004 — С. 539-540.

7. Малышев В. Греческие тайны и секреты.— Афины: Скорпион, 2004. — 272 с.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2004 г.

УДК 81'243:378.147

В. И. Невойт

ФОНОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ

В настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что одной из составных частей сложного многокомпонентного феномена, называемого лексическим значением слова, является некий лексический фон, содержание которого суть определённые знания о предмете номинации, терминологические особенности культуры и мировоззрения народа-носителя определённого языка. Эта составляющая семантики слова не всегда представлена эксплицитно в виде отдельных сем или целых лексико-семантических вариантов. Однако она, безусловно, играет важную роль в функционировании слов, так как зачастую именно лексический фон определяет контексты их употребления, является базой для развития переносных значений, служит ключом для адекватного и полного понимания пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Поэтому в последние десятилетия XX века проблемы обнаружения и описания лексического фона отдельных слов и групп слов были предметом пристального внимания лексикологов. Достаточно назвать неоднократно проводимые конференции, посвящённые проблемам соотношения языка и культуры, проблемам лингвострановедения и культуроведения в преподавании русского языка. Интерес к этой стороне лексической семантики не ослабевает и сейчас. Об этом свидетельствуют публикации недавнего времени, среди которых наиболее содержательными являются сборники “Слово и текст в диалоге культур” [2], “Межкультурная коммуникация” [1] и другие.

Установлено, что лексическим фоном обладают 90% слов любого языка. Но значимость фоновых характеристик, их ёмкость и глубина различны, почти индивидуальны у каждого слова. Очевидно, что наиболее яркие фоновые ха-